

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ОППОЗИЦИЯ <АОРИСТ – ИМПЕРФЕКТ> В СЛАВЯНО-РУССКОМ ПРОЛОГЕ XVI ВЕКА

Татьяна Маркова

Россия, Нижний Новгород

Summary: The article analyzes the semantics of the Eastern Slavic past tense verb forms, the aorist and the imperfect tense. The research material is one of the most understudied Old Russian texts, the «Prologue» of the 16th century. The author draws a conclusion about the systematic functioning of the verb forms in the text and, consequently, about the high semantic potential of the analyzed verb forms.

Пролог – один из *уникальнейших* видов древнейших памятников славянской письменности. Он представляет собой переводной сборник более или менее определённого состава, содержащий заимствованные из различных источников краткие жития святых, расположенные в календарном порядке, а также тексты назидательного характера [Перетц 1915: 282]. Л.П.Жуковская, отмечая *особую роль, которую играл Пролог в обиходе Древней Руси, в формировании культуры и, в частности, литературного языка*, пишет: «Пролог – это своеобразная “библиотека избранных произведений” средневекового читателя, библиотека популярной литературы, доступной каждому читателю и внедрённой в сознание ещё большего числа слушателей» [Жуковская 1983: 110].

Исследователи подчёркивают особое место, занимаемое Прологом именно в древнерусской культуре, обусловленное *актуализированной назидательностью этой книги*. Если первоначально в Пролог включались только агиографические отрывки, а учительные фрагменты при этом входили в своеобразное приложение, то впоследствии социальная роль Пролога конкретизируется: фрагменты книги, имеющие воспитательный и назидательный характер, оказываются рассредоточенными по дням года так же, как и фрагменты житийного характера, а последние получают подчёркнутую воспитательно-назидательную направленность. Достаточно быстро выйдя из церковного употребления, Пролог стал неотъемлемой частью домашнего и келейного досуга – книгой, более популярной, чем Синаксарь в Византии [Лебедева 1983: 51]. *Назидательность Пролога стала его наиболее яркой коммуникативно-целевой установкой* [Бубнов 1973: 294; Фет 1979: 357].

Пролог *феноменален* не только в функциональном, но и в языковом аспектах. Будучи переводным компилятивным памятником письменности, Пролог, однако, является *творческой переработкой* содержания оригинальных источников. Древнерусский книжник, создавая перевод Пролога, гармонизировал текст, подчиняя его единой композиционной и социальной задаче [Давыдова 1990: 266]. Из-под пера древнерусского переписчика

чаще всего выходил *не просто список, а именно редакция, творческий пересказ с элементами интерпретации*. Это позволяет исследователям квалифицировать Пролог как оригинальное сочинение, лишь основанное на переводе с греческого Синаксаря: «...русский Пролог стал сборником очень органичным, очень устойчивым, очень читабельным для людей самого разного уровня грамотности; многие его тексты обнаруживают большую близость к произведениям фольклора» [Лебедева 1983: 42].

До настоящего времени *исследования* списков древнерусского Пролога касались различных сторон этого памятника письменности, в частности: истории его создания, экстралингвистических обстоятельств, сопутствовавших этому, особенностей графического оформления списков (Г.И.Вздорнов), происхождения Пролога, его источников, содержания и состава различных списков и их композиции (С.А.Давыдова, Е.А.Фет), эволюции Пролога и его места в религиозно-культурном пространстве Древней Руси (Н.Ю.Бубнов, В.Н.Перетц), проблем датировки тех или иных списков, некоторых разновидностей Пролога (Л.П.Жуковская, Е.А.Фет), вариантов перевода отдельных фрагментов Пролога в рамках русской книжной традиции (И.Н.Лебедева), истории печатных изданий Пролога (В.А.Кучкин).

Вместе с тем до сих пор *не описаны языковые особенности Пролога*, хотя, как отмечалось ранее, исследователи единодушны в признании актуальности данного вопроса. Естественно предположить, что, имея непосредственное отношение к церковнославянской книжности, Пролог должен отражать особенности церковнославянского языка соответствующего периода. Однако специфика создания текста Пролога, связанная с творческим редактированием и переложением источника книжником-переписчиком, не могла не привести к проникновению в текстовое пространство Пролога древнерусской речевой стихии. Особенно заметно это *в Прологе XVI в.* – памятнике, принадлежащем эпохе, чрезвычайно сложной как в социально-историческом, так и в культурно-языковом отношении. Реально дошедшие до нас списки Пролога (с XIII по XVIII вв.) могут быть как годовыми (начинающимися с сентября) и полугодовыми (начинающимися с сентября и марта), так и квартальными (с сентября, декабря, марта, июня) и даже помесечными [Жуковская 1983: 110]. Материалом исследования, по результатам которого написана данная статья, послужил августовский Пролог XVI в., хранящийся в Фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского.

Традиционно ведущей морфологической категорией любого древнерусского и церковнославянского текста является *глагол*. Именно глагольные формы задают предикативные и модальные параметры текста, транслируют коммуникативную установку автора, определяют композиционную логику и смысловую иерархию, притягивают соответствующий лексический материал.

К XVII веку разнообразны процессы, связанные с изменениями в области древнерусского глагола, в основном завершились. К наиболее заметным результатам этих процессов относится изменение *подсистемы прошедших времен глагола и формирование категории глагольного вида*.

Взаимосвязь названных результатов несомненна. Так, Ю.С.Маслов считает оппозицию глагольных форм аориста и имперфекта видовой, хотя и отличающейся по семантике от оппозиции совершенного и несовершенного вида [Маслов 1963: 197-229]. Исследуя язык древнерусских летописей, исторических повестей, житий и деловых документов второй половины XVI века, С.Д.Никифоров приходит к выводу о том, что в указанный период семантика имперфекта поглощалась категорией несовершенного вида, а семантика аориста – категорией совершенного вида. Причём наиболее заметно это в текстах бытовой и деловой письменности. В текстах, близких к традиционному книжному образцу, данный процесс сдерживался старыми грамматическими нормами. По наблюдениям С.Д.Никифорова, в разговорно-деловой древнерусской речи XVI века не обнаруживается форм аориста и имперфекта, они полностью вытеснены единой формой прошедшего времени на *-л*, дифференцирующейся в видовом отношении. Что же касается книжных текстов того периода, то в них формы имперфекта семантически сближаются с аористными формами, основным значением аориста является значение действия, завершённого в прошлом. В целом наблюдается смешение форм аориста и имперфекта, сближение их с краткими причастиями и даже формами настоящего и будущего времени. Наряду с этим семантика доминирующего бессвязочного перфекта заметно обогащается всевозможными оттенками (повторяющегося действия, действия в прошлом, не имеющего связи с настоящим, преждепрошедшего действия и др.) [Никифоров 1952: 134, 183-184].

Как и в каких значениях используются глагольные формы прошедших времён в Прологе, отражает ли его текст те реформационные процессы, которые наблюдаются в древнерусской письменности рассматриваемого периода, что собой представляет система прошедших времен глагола в контексте Пролога – книги, как отмечалось ранее, популярной, читаемой, находившейся на стыке двух языковых стихий, – вот вопросы, ответы на которые позволили бы более полно представить непростую, переломную ситуацию, сложившуюся в русской морфологической системе в XVI – XVII веках.

Система прошедших времен глагола представлена в Прологе исчерпывающе. Здесь встречаются как формы аориста и имперфекта, так и формы перфекта (всего 19 случаев) и плюсквамперфекта (всего 6 случаев). *Семантический спектр* этих форм *широк*: от системно заданных, базовых и поэтому предсказуемых до контекстно актуализированных, глубоко периферийных, вызванных к жизни взаимодействием глаголов и причастий в рамках композиционного фрагмента или же задачами жанра.

Части Пролога названы разнообразно: слово, беседа, поучение, память и т.д. Но все они укладываются, как уже было сказано, в два коммуникативных модуля: повествовательный и назидательный. Между ними имеется диффузный по коммуникативной установке жанр – слово. Слово может содержать в себе как изложение событий (повествование), так и назидание, поучение, апеллатив. Текст-поучение организован императивом, вместе с которым функционируют также и формы настоящего времени. Они обуславливают особую тональность текста. Императив и семантически

модифицированные формы настоящего времени управляют сознанием читателя, меняют те или иные параметры восприятия жизни. Императивные формы в подобных фрагментах являются ключевыми и активно влияют на семантику всех единиц текста, особенно глагольных. Последние в свою очередь оказываются, как правило, формами настоящего (будущего) времени. В их семантике имеет место сдвиг: они начинают обозначать не столько факт, реальное действие, сколько пожелание, призыв, обетование.

Автор текста-повествования ставит перед собой несколько иную цель – рассказать, напомнить, заставить задуматься. Его пространство структурируется аористом, семантический потенциал которого неизмеримо богат. Глаголы в других формах (имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта) в контексте семантически и функционально соотносятся с формами аориста, оттеняют его различные смысловые грани и вместе с ним детально представляют включенные в повествование события. Причастия в тексте-повествовании также активно взаимодействуют с аористом, проявляя при этом неожиданную семантическую гибкость.

Аорист используется в Прологе *более 650 раз*. По наблюдениям иеромонаха Алипия (Гамановича) [Гаманович 1991: 200], аорист в церковнославянском языке (аналогично и в древнерусском) выражает простое (однократное, недлительное) действие, предшествовавшее моменту повествования [Черных 1954: 236]. Исследуя разговорно-деловые тексты второй половины XVI века, С.Д.Никифоров отмечает изменение в семантике аористных форм того периода: аорист обозначает не просто действие как факт в прошлом, а действие завершённое, исчерпанное в прошлом [Никифоров 1952: 149-155]. Таким образом, по наблюдениям исследователя, формы аориста конца XVI века – это исключительно книжное явление, а семантика аориста, как говорит С.Д.Никифоров со ссылкой на А.А.Шахматова, исчерпывается «значением результативного вида», то есть перфективным (реже – плюсквамперфектным) значением [там же].

Аорист – повествовательное по своей основной функции глагольное время. Ряд из нескольких аористных форм обозначает *действия, идущие одно за другим до момента речи*, например:

«Та вѣста при Максимѣ цари. Въ едѣстѣмъ градѣ еладѣстѣмъ и живши же съ Оулириемъ жерцемъ идольскимъ...».

Формы аориста представляют здесь *цепочку наименований действий и событий*:

«...и предста Антоупатоу викарию съ дѣтми своими и <...> християни ся исповѣдаша <...> тѣмъ всѣе тріе мученія прияша конецъ...».

Реализацию основного значения аориста можно увидеть и в «Дне святого мученика Еусегния», и в «Страсти святых мучеников Флора и Лавра», и в «Памяти святого апостола Фадея». Однако случаев использования аористных форм в одном, основном значении не так много. Дело в том, что если в контексте имеются другие глагольные формы или причастия (а чаще всего бывает именно так), то аорист вступает с ними во взаимодействие и продуцирует *множество дополнительных смыслов*.

Семантика аориста многократно усложняется, когда в тексте появляется имперфект.

К примеру, в «**Слове о нѣкоемъ блудницѣ иже милостыню творяше**» аористные формы на фоне имперфективных актуализируют семантический *оттенок внезапности действия*, имевшего место в прошлом. Обусловлено это тем, что в данном тексте сравнительно много имперфективных форм (8 против 12-ти аористных) и они обозначают длительные, многократные, регулярные действия в прошлом. Контраст противоположных по грамматическому значению форм (аориста и имперфекта) способствует появлению *обстоятельного оттенка у форм аориста*, а повествование благодаря этому приобретает определенный драматизм: богатый, но милосердный человек «**творяше грѣхъ прелюбодѣиныи в нем же и до старости приде**» – во грехе этот человек пребывал долго, впадал в него многократно, а старость наступила *неожиданно, внезапно*. Так же внезапно этот человек и умер (оумре). Когда же затворники по повелению патриарха стали молиться о том, чтобы Господь сказал им судьбу (посмертную) умершего, то Бог опять-таки *неожиданно, мгновенно* открыл ее одному из молившихся (откры). Картина участи умершего также драматична: непрерывно восходит к облакам пламя (восхождаше), без надежды на лучшее рядом с этим огненным столбом стоит связанный человек (стояше) и постоянно смотрит на край пропасти (взирааше). Ужасу этому нет конца, что очень хорошо передают формы имперфекта:

«...и откры Богъ нѣкоему затворнику великую како и гдѣ пребываетъ члкъ тѣ. И призвавъ патриарха исповѣда емоу предъ всѣми людьми глаголя. Азъ бѣхъ в сію ночь моляся и видѣхъ нѣкое мѣсто шедшою имуща Рая и полно неизреченныхъ красотъ. Шшюю же езеро огнено. Его же пламень до облакъ восхождаше межю жерля и пламени страшнаго оумръшии моужъ стояше привязанъ злѣ стоня и чясто краю взирааше видѣхъ свѣтоносна. Ангела пристопльша и к нему глаголюща что всоуе члче стонеси се во милостыня твоея ради избавленъ еси отъ мѣки...».

Светлый ангел перед этим несчастным человеком появляется вдруг, внезапно, как вспышка, что передано формой аориста (видѣхъ).

В данном отрывке есть и другие нюансы, заслуживающие внимания. Затворник, которому было видение, – «**бѣхъ моля ся <...> и видѣхъ**». Почему в данном случае использованы в функции однородных составное именное и простое глагольное сказуемые, а не две одинаковые формы? Здесь имеет место интересный факт – появление у составного именного сказуемого имперфективного оттенка: затворник молился некоторое время и в процессе молитвы внезапно увидел то, о чем спрашивал Бога, – это было озарение, награда за долгую молитву. При этом одно действие (видѣхъ) накладывается на другое (бѣхъ моля ся). Два аориста (молихъ ся и видѣхъ) передали бы нам последовательность действий, а два имперфекта не смогли бы обозначить внезапное откровение во время долгого молитвенного труда. Составное именное сказуемое со связочным глаголом

в форме аориста обозначает здесь *состояние*, характеризующееся *некоторой протяжённостью во времени*.

Обычно, когда в контексте использованы и формы аориста, и формы имперфекта, аорист семантически более богат, более многозначен, чем имперфект. Наличие имперфекта в текстовом пространстве обуславливает появление у аористных форм смыслового *оттенка результативности*, более типичного для перфекта. Данная семантика, как говорилось ранее, была свойственна также формам аориста, используемым в исторических повестях конца XVI в. [Никифоров 1952: 149-155]. Так, в рассматриваемом фрагменте (в «**Слове о нѣкоемъ блѣдницѣ иже милостыню творяше**») ангел говорит умершему: «**Понеже не остана любовѣянїя скверны лишєнь еси блаженаго рая**». Здесь на месте аориста (**не остана**) мог быть использован перфект. Но грамматическое значение результативности было реализовано аористом, чему способствовало употребление его на фоне имперфекта.

Аорист может обозначить действие не только внезапное, но и наоборот, являющееся *долгожданным результатом* других, долгих и непрестанных, действий, обозначенных в тексте имперфектом. И в этом случае аорист снова будет ведущим, фокусирующим на себе внимание. В отличие от перфекта аорист в подобной ситуации будет называть *действие, ставшее результатом* (перфект же обозначит действие, принесшее результат). Это хорошо видно в «**Слове Григорїя двословца о Карпѣ епископѣ**». Епископ Карп «**по вся дни слоужаше Богу**» и «**возношаше жрѣтву**». Имперфективные формы обозначили обычное, постоянное действие, которое стало практически характерной чертой субъекта. И наконец, как результат, – «**отвѣтъ от Господа прїятъ**».

В «**Принесенїи нерукотворенаго образа Господа нашего Исуса Христа**» аорист служит обозначением действия, ставшего также результатом долгого внутреннего желания субъекта. Авгарь «**желаше своимъ лицемъ бѣ видѣти таковых же чудєсъ самодѣлателя**» решил, что нужно делать – «**написа к Немѹ писанїє**». Это уже не только результат, но и *решение проблемы*, задачи, которая долго зрела. Посланный в Иерусалим Анания также переживал внутренний кризис: «**окоушаше ся Божественныи образъ Его написати вапы и недоумѣяше...**». Сомнения и неуверенность автор здесь выразил с помощью сразу трех имперфектов. Однако сердцеведец Христос разрешил все тревоги Анании: «**гдїи бывающее яви**». Разрешение внутреннего кризиса обозначено аористом.

Аорист и имперфект, находясь в одном повествовательном пространстве, могут относиться при этом к разным линиям повествования, то есть *дифференцировать повествование рассказчика и повествование о рассказчике*. При этом аорист *останется доминантой* и в количественном, и в значимостном аспекте. Так, в «**Слове о оуставѣ мнишеска житїя**» аорист используется 24 раза, обозначая однократные, следующие одно за другим действия в прошлом, реализуя свое основное, исконное грамматическое значение. При этом имперфект встретился всего дважды. В первом случае имперфективная форма (**повѣдаше**) относится к субъекту-рассказ-

чику. Все далее идущие аористы обнаруживаются в повествовании этого субъекта (**Петр прозвѣтеръ**) о Григории (**Папѣ Римъстемъ**).

Кстати, второе употребление имперфективной формы в анализируемом фрагменте также необычно по семантике: имперфект обозначает продолжительное действие в прошлом, сопутствующее действиям, обозначенным цепочкой аористов. В сущности это семантика, свойственная, скорее, причастиям («**коупи себѣ <...> и взем же мнихъ имяше оу себе инъ же братъ видѣвъ оу него и шед повѣда...**»). Использование форм имперфекта в значении одновременного, параллельного, сопутствующего действия нередко, по свидетельству С.Д.Никифорова, фиксируется в исторических повестях XVI века [Никифоров 1952: 144-149].

Ряды аористных и имперфективных форм в тексте могут использоваться для характеристики персонажей и становиться, таким образом, художественным средством. Например, в «**Предпразднствѣ преставленія святыя Богородица**» аорист используется 6 раз, а имперфект – 5. Пропорция довольно необычная: как правило, если имперфектные формы и употреблены, то количество их в несколько раз ниже числа встречающихся аористных форм. Однако в данном случае все аористные формы обозначают действия царя Арама, который благодаря этому предстает перед читателем как горячий, скорый на руку, жестокий правитель (**пріа, не стерпѣ, ятъ, повелѣ, пріатъ, высть**). Интересно и то, что начало царствования царя Арама передано имперфектом (**творяше неправду**):

«...по смерти его пріа царство Арамъ сынъ его. И творяше неправду пред Господемъ обличенъ же бывъ и ть пророкомъ. Яко оунъ сы не стерпѣ пророческаго обличенія. И разгнѣвався ятъ его и повелѣ слоугамъ воврещи и въ пропасть и семоу бывшу пріатъ конецъ. И погребенъ высть на земли своен...».

Это также имеет объяснение и с точки зрения текстовой семантики (имперфект здесь передает постоянную, неотъемлемую характеристику субъекта), и с точки зрения художественного замысла (динамика событий передается имплицитно: Арам не сразу проявил себя как грозный правитель – вначале он вникал в свои «царские обязанности»).

Действия предшественника Арама – царя Ахава – обозначены имперфективными формами (**двизаше, не оубіаше, съблюдаше, оубояшеса**). Так создается образ нерешительного, слабого человека, не спешащего или боящегося принимать решения, хотя и облеченного царской властью.

Таким образом, противопоставление аориста и имперфекта в тексте определяется иногда не только семантическими, но и стилистическими задачами.

Подобная картина наблюдается и в «**Оүспеніи Пресвятыя Владычица нашея Богородица**», где аористные формы обозначают действия Христа, Пресвятой Богородицы и апостолов, тогда как имперфективные формы используются для передачи отношения людей к известию о приближающемся преставлении Богородицы: формы аориста встречаются здесь 21 раз (**изволи, извѣсти, възрадовася, възде, үстрои, заповѣда, повелѣ** и др.), а имперфекта – 5 раз (**покланяхүтся, славословяше, подаяхүтъ, пла-**

кажѹтъ, тѣшаше). Благодаря этому помимо собственно грамматической семантики глагольных форм отмечается ещё и их особая *композиционно-художественная функция*, необходимая для имплицитной передачи ощущения двух различных миров – мира простых людей, с одной стороны, и мира посвященных, а также жителей Неба, с другой стороны.

Очень показателен в этом отношении также отрывок «**Святыхъ мученикъ Павла и Оуліяны и с нима Стратоника**». В этом тексте и аорист, и имперфект реализуют свои основные (системные) значения. Но стилистические оттенки у рассматриваемых глагольных форм различны. Аористы (**предста, исповѣда, высть, възмогоста** и др.) обозначают действия святых, а имперфект (**препираше**) – действие мирян:

«Во градѣ вѣста же братъ и сестра по плоти Павелъ же поучая божественнымъ писаніемъ. Препираше юудея и елліны и пришедшую же царю въ градъ. И не таи вся предста царю и Христа исповѣда. И повѣшенъ высть и строганъ...».

Еще более заметна модификация аористной семантики, обусловленная влиянием причастий.

Если в тексте много аористных форм, то текст очень динамичен, а сюжетный ряд насыщен. Аористы, употребленные в большом количестве, способны обозначить не просто последовательность действий в прошлом, а *последовательность действий, очень быстро сменяющих друг друга*. Для еще большей динамичности текста вместе с аористом используются причастия в составе оборота «дательный самостоятельный». В паре с причастием аорист обозначает *действие, которое началось до того, как закончилось предыдущее*. Это хорошо видно на примере «**Страсти святыхъ мученикъ Фотіа и Аникиты**». Здесь используется только аорист, его семантика, таким образом, не осложнена контекстным взаимодействием с какими-либо другими временными формами. Текст насыщен событиями, аористные формы употреблены в нем 15 раз. На реализованную в данном случае системную семантику аориста наслаиваются *обстоятельственные смысловые оттенки* в связи с использованием в тексте причастий: «**помольшѹ же ся емоу и высть трѹс и паде капище...**». В данной отрезке текста *интенсивность действий* очень высокая, что также подчеркнуто и повторением союза. Землетрясение началось и капище упало, когда святой едва закончил молитву. Аналогично выглядит и другой случай в том же фрагменте: «**царевнѣ же повелѣвшѹ осѣкнѹ і и авне оусше рѹка еми**».

«Дательный самостоятельный» в аористном ряду используется для *имплицитного обозначения максимально короткого промежутка времени между двумя соседними действиями*.

Вообще для конспективной записи последовательности событий, когда изложить нужно все ёмко и компактно, когда имеет место сосредоточенность на сюжете, наиболее эффективным является использование цепочки аористных форм и причастий. В этом случае аорист обозначает не просто однократное действие, имевшее место в прошлом, а *действие, очень быстро сменяющее другое (или сменяемое другим)*. Аорист, синтагматически связанный с причастием, обозначает не только действие как

факт, но и такие параметры действия, как *скорость и интенсивность*. При этом далеко не всегда используется оборот «дательный самостоятельный». Например, в «**Страсти святаго мученика Коурьсикия**» аорист употреблён 18 раз, в том числе и с причастиями (4 случая, не считая 1 случая использования «дательного самостоятельного»):

«...и связавше рѹцѣ его и в темници затвориша и. И по семъ от гѣмона милость получивъ и пущенъ бысть <...> нѣкто коумиролубецъ и паки связа святаго и пришед в домъ свои. И оусну и видѣ скоропію оусекноувшу и. И в волѣзни соущу ему приде мати его и глагола ему что ти есть съ христіаны воротися...».

В данном тексте аорист обозначает действие, быстро сменяющее предыдущее событие. Мученика заперли в темнице сразу же после того, как связали его. Между этими действиями нет временного промежутка. А «кумиролюбец» пришел к себе домой и сразу лег и уснул, он захотел спать еще по дороге домой. Этот смысл имплицитно присутствует именно за счет причастно-аористной пары.

Причастно-аористная цепочка превращает сюжет в *непрерывный пѣстрый процесс*, в *бесконечное движение*, меняющее своё направление, силу, в живое, пульсирующее *действие*, *заполняющее собой все пространство повествования*. Сулейман увидел икону на столбе сразу, как только бросил взгляд в том направлении. Ему не было нужды искать ее глазами, она сама заставила себя увидеть (!): «**възривъ Голниман видѣ икону...**» («**Память <...> Божіа человеколюбіа егда възврати съ трудомъ невозможна агаряни**»).

Аористный ряд, включающий в себя причастия в качестве, например, именных частей составных именных сказуемых, привлекает внимание читателя к субъекту, с одной стороны, а с другой – передаёт тончайшие смысловые оттенки, связанные с *длительностью междудействия*. В «**Страсти святаго мученика Фотіа и Анникиты**» в ряду аористов появляются составные именные сказуемые со страдательными причастиями в роли именных частей: **связанъ бысть, въсажена быста, изведена быста и строгана и огнемъ попалена**. С чем связано здесь употребление страдательных причастий? Использование глаголов потребовало бы смены субъекта: мучители связали святых, посадили в темницу и т.д. – или же использования неопределенно-личного предиката, где святые мученики были бы обозначены не субъектом, а объектом. Но это концептуально неверно: внимание читателя должно быть максимально сосредоточено на святых. Это одна причина, по которой в тексте употреблены страдательные причастия в составе составных именных сказуемых с аористной глагольной связкой. Вторая причина заключается в том, что за счет составных именных сказуемых снижается (едва заметно!) динамика, передаваемая аористами: в аористном ряду появляется *имперфективный оттенок длительности* (были связаны, были посажены в темницу...). Подобное явление было рассмотрено нами выше. Между действиями в таком случае начинают просматриваться небольшие промежутки времени, помогающие в полной мере испытать сопереживание по отношению к святым мученикам.

Структура <причастие + аорист> значительно *увеличивает смысловую емкость* глагольного ряда и позволяет аористу реализовать заложенный в его семантике *периферийный компонент результативности*. Так, в «**Положеніи мощен преподобнаго отца нашего Максима исповѣдника**» имеются подобные случаи: **оставль все и бысть мнихъ; видѣвъ <...> ересь <...> и повелѣ; пославъ <...> и приведе** и др.

Здесь все причастия могут быть заменены аористами, темп повествования станет выше, задача автора будет выполнена без каких-либо потерь. Но при этом исчезнет *причинно-следственная и причинно-результативная связь* между обозначенными действиями: оставил все и в результате стал монахом; увидел ересь и поэтому повелел и т.д.

Чтобы сохранить эту семантику, пришлось бы или вводить в текст наречия, или использовать перфект. И то, и другое снизило бы аористную динамику и частично нейтрализовало бы собственно семантику аористных форм.

Похожая картина наблюдается и в тексте «**Святаго священномученика Маркела епископа и семидесять оученикъ его**», где плотность аористных употреблений достаточно высокая – 12 случаев. А для передачи причинно-результативных и причинно-целевых оттенков используется причастно-аористная пара: «**вземъ воду <...> покропи**» (в данном случае имеет место и оттенок цели: взял воду, *чтобы* покропить); «**огнь <...> разгорѣвся пожже**»; «**разгнѣвавшаяся елнии <...> ввергоша и во огнь**».

Излишне говорить о том, что указанные семантические нюансы могут быть переданы и при помощи оборота «дательный самостоятельный» – оборота, ярко маркирующего текст как книжный и являющегося, видимо, данью книжной стилистической традиции.

Аорист настолько прочно связан синтагматическими нитями с причастиями, что они нередко появляются в типично аористном значении в ряду однородных аористных форм. В этом, видимо, проявляется древнерусская норма, допускающая функционирование кратких действительных причастий не только в качестве компонентов составных именных сказуемых, но и в качестве собственно сказуемых [Черных 1954: 283-285]. Вместе с тем данное явление, возможно, объясняется и другой причиной – разрушением аориста как грамматической временной категории, что и приводит к смешению в тексте аористных и причастных форм (о явлениях подобного рода в древнерусских текстах деловой письменности XVI века пишет С.Д.Никифоров) [Никифоров 1952: 149-155].

Например, в «**Принесеніи нерукотворенаго образа Господа нашего Исусъ Христа**» читаем: «...и пославъ заповѣдавъ образъ лица Его написати...».

Здесь одно из причастий, скорее второе – **заповѣдавъ**, занимает позицию ожидаемого аориста. А в текстовом отрезке:

«начатъ ѿвгаръ божественю икону Христову и пред людскими враты града елнинскіи кумиръ стоящъ разори и Нерукотворени образъ в того мѣсто постави и заповѣдавъ сице всякому и вхо-

дѣящѣмꙋ првѣе вожественльи иконѣ поклонитися ти тако вхѣдити и исхѣдити и написавѣ сице...» –

аористный ряд однородных предикатов (**начатѣ, разори, постави**) включает в свой состав и причастные формы (**заповѣдавѣ, написавѣ**). Необходимо, однако, отметить, что в подобных случаях аористные формы, как правило, обозначают действия сюжетно более значимые, чем действия, обозначаемые причастиями. В целом рассматриваемый фрагмент очень интересен именно в аспекте аористо-причастного взаимодействия: из 20 употребленных здесь аористных форм 15 включены в аористо-причастные пары, в которых аорист имеет *дополнительный оттенок действия-цели, действия-результата, действия-доминанты*. Причем в аористный ряд может входить даже оборот «дательный самостоятельный» в усеченном варианте – без дательного падежа имени (контекстуальная неполнота): **«пристꙋпившꙋ к вожественомꙋ крещенію и оттолѣ начатѣ <...> Аѡгарь <...>»**.

В тексте **«Сѡятꙋхъ мꙋченикѣ Стратоника и Филика и Сѡтꙋхія»** в сильной позиции (финал текста), завершая многокомпонентный ряд однородных предикатов, глагольные части которых выражены формами аориста, следуют три причастия с аористой семантикой: **пострадавше, повѣдивше, примѣше**. Их однородность с аористными глагольными предикатами подчеркнута повторяющимся союзом *и*:

«...ведени же быша на позорище. И звѣремѣ предании быша. И съхранени быша безѣ вреда вбразы многихъ моꙋкъ искушении быша. И наконецъ же ввержени быша въ огнь и тако по Христѣ пострадавше на сꙋдищи. И повѣдивше врага. И вѣнецъ побѣдныи примѣше».

И наконец, следует отметить тот факт, что в Прологе встречаются случаи связи *причастия и глагола* в форме аориста, *соотносящихся с разными субъектами*. Тогда аористные формы реализуют также семантику результата или цели:

«...и не покорься и ременіе краяша емꙋ от главы и до ногꙋ...» – так как не покорился, то в результате... (**«Сѡятаго мꙋченика Мирона прозвѣтера»**).

Итак, в текстах-повествованиях аорист играет ведущую роль, на нем строится сюжетный каркас, вокруг него группируются и структурируются все остальные элементы контекста. Что же касается текстов, апеллятивных по установке, *например поучений*, то в них аорист, как и другие прошедшие времена, практически не востребован. Здесь будет доминировать императив в сочетании с семантически модифицированными формами настоящего времени. Какие же смысловые и композиционные функции может выполнять аорист в поучении? Чаще всего при помощи глаголов в форме аориста *вводится цитата*. Также аорист может встретиться в самой цитате. Наконец, аорист используется в своем основном, системном значении, обозначая *однократное* действие в прошлом, на которое автор поучения ссылается как на аргумент. Классический случай текста-поучения будет включать в себя 2-3 формы аориста. Всё остальное гла-

гольное пространство текста займут формы повелительного наклонения и настоящего времени. «**Поученіе яко добро есть теци къ церкви**» содержит 2 случая употребления аориста: **рече** – для введения цитаты и **възвеселихся** – в цитате. «**Поученіе о мирѣ и о любви**» – это также яркий пример текста-поучения с точки зрения использования глагольных форм: всего 2 случая употребления аориста для введения цитаты – **заповѣда, рече**. В «**Поученіи о молитвѣ**» аорист употреблен 6 раз, из которых 5 случаев – в цитате и в ссылке на действия в прошлом (аргументация) – **сътвори, возврати, сътвори, породи, оукроти**, а сама цитата введена при помощи формы **рече**.

При использовании форм аориста в составе ссылок или цитат аргументативного характера у аориста появляется *едва заметный императивный оттенок*. Автор поучения создает подчеркнуто апеллятивный текст, где все должно работать на изменение мира к лучшему. Называя что-то, имевшее место до момента речи, автор имплицитно выражает призыв подражать субъекту, соотносящемуся с аористным предикатом, поступать так же. Или же, наоборот, не совершать того, что сделано когда-то и обозначено аористом. Так, в «**Поученіи на преставленіе Святых Богородица**» встретилось 6 форм аориста: **посрамишася, явися, ослѣпися, приступи, влѣстися, приобрѣте**. Здесь все названные случаи, кроме **явися**, обозначают негативные события и поступки, которым не должно быть места в будущем. Именно к этому призывает читателя автор. В результате – перед нами аористные наименования действий, намеренно отсеченных автором от плана настоящего (будущего) времени. То, что названо аористом, *должно остаться в прошлом и не должно повториться в будущем*, в которое устремлен императив.

Фрагменты Пролога, написанные в жанре «Слова», не имеют стандартной (прогнозируемой, заданной) композиции. Они могут быть повествовательными по своей задаче и апеллятивными. И соответственно по-разному используется в них глагол. Например, в «**Слове Езекииля пророка къ епископомъ и попомъ**», очень близком по своим особенностям к тексту-поучению, аорист встретился трижды в своем основном значении с оттенком назидательности. А в «**Слове о святемъ Аполинарии**», явно повествовательного характера, случаев аористного употребления – более 40 (!), имперфектных форм – 6, есть даже перфект и плюсквамперфект.

Итак, аорист неизмеримо богат смысловыми возможностями, которые тем обширнее, чем более насыщен контекст различными глагольными формами. И хотя аорист – это *доминанта повествования*, но и в текстах назидательно-поучительных аорист функционально, семантически и стилистически оправдан.

Что касается особенностей образования формы, то в рамках исследуемого Пролога аорист соответствует известной церковнославянской, а также древнерусской книжной норме [Гаманович 1991: 110-111, 131-132; Черных 1954: 236-238].

Итак, глагольные формы аориста активно используются в повествовательных частях Пролога, обозначая в них, в первую очередь, *однократные*

действия, предшествовавшие повествованию. К данному системному значению аористных форм добавляются семантические оттенки, актуализированные контекстом – прежде всего, употреблёнными в нём другими глагольными формами (имперфектными, причастными). Так, на фоне форм имперфекта в аористных формах проявляется обстоятельственная семантика (внезапности, причины, цели), перфектная семантика (результативности, а также разрешения состояния, длившегося некоторое время в прошлом). В контексте с причастиями у аористных форм появляются семантические оттенки, уточняющие скорость и интенсивность действия, параметры междудействия, причинно-следственные связи действий. Помимо этого аорист в повествовании Пролога может выполнять композиционно-стилистические функции (дифференциации различных линий повествования, характеристики персонажей). В поучительных фрагментах Пролога аорист функционирует ограниченно, служа для введения цитат или же для обозначения действий-прецедентов (в составе аргументативной базы поучения, наставления), иногда с оттенком императивности. Образование форм аориста соответствует церковнославянской, а также древнерусской книжной нормам того времени. Наблюдаемые (достаточно редко) отклонения от норм объясняются, вероятнее всего, тем, что в рассматриваемый период аорист представлял собой уходящую категорию. Будучи употребляем в книжной речи как дань традиции, в устном употреблении, влияние которого в определённой мере сказывалось на тексте Пролога, аорист не имел перспективы и активно вытеснялся перфектом.

С аористом неразрывно связан имперфект. Эта связь проявляется как в употреблении, так и в семантике форм имперфекта (о чём более подробно будет сказано далее). Необходимо, однако, подчеркнуть, что, несмотря на невысокую по сравнению с аористом частотность, имперфект играет заметную роль в повествовании Пролога и смысловый потенциал имперфективных форм очень богат. Говоря о глагольной морфологии болгарского языка, Ю.С.Маслов, в частности, пишет: «Общее значение имперфекта конкретизируется либо как значение протекания одного единичного действия (конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, конативное), либо как значение протекания ряда однородных действий, т.е. повторения действия (неограниченно-кратное). <...> Аорист, как немаркированный член оппозиции, характеризуется в целом отсутствием подчёркнутого указания на протекание или неограниченное повторение действия, а в конкретных своих использованиях – рядом частных значений, существенно зависящих от различия совершенности-несовершенности. <...> В силу этого именно совершенный аорист и несовершенный имперфект представляют собой наиболее употребительные разновидности простого прошедшего времени. <...> В имперфекте совершенного вида положительное значение совершенности и положительное значение имперфекта накладываются друг на друга таким образом, что возникает специфический вариант наглядно-примерного значения: эта форма обозначает действие, каждый отдельный акт которого рассматривается в его целостности, а все действие – в его неограниченной повторяемости» [Маслов 1963: 226].

Имперфект используется в тексте Пролога 88 раз.

В целом употребленные в Прологе формы имперфекта образованы в соответствии с церковнославянской и древнерусской книжной нормой [Гаманович 1991: 112-115; Черных 1954: 240].

Что касается *семантики имперфекта*, то в Прологе реализовано *системное значение* данной временной категории. Формы имперфекта в тексте Пролога обозначают *длительное или повторяющееся действие, имевшее место в прошлом* [Черных 1954: 239]. Семантический потенциал имперфекта предполагает его *вспомогательный, фоновый характер* (неслучайно в Прологе немало фрагментов, где из прошедших времен употребляется только аорист или аорист с имперфектом, а фрагментов, в которых использовался бы только один имперфект, не обнаружено). Об этом пишет и иеромонах Алипий (Гаманович): «Имперфект выражает действие, соотносительное с другим основным действием (фактом), выраженным обычно аористом, а иногда и предикативным причастием. Аорист ведет рассказ, а имперфект, вклиняясь, вносит к основному действию другое – добавочное, разъясняющее или сопровождающее действие. Имперфект не всегда может быть соотносительным с отдельным действием случая; он может выражать действие, соотносительное с общими обстоятельствами случая или события...» [Гаманович 1991: 201]. Иеромонах Алипий также отмечает случаи употребления имперфективных форм в значении сопровождающего действия, действия как следствия, фонового действия, в значении, поясняющем либо уточняющем обстоятельства и детали события. Все эти и некоторые другие смысловые оттенки выражаются формами имперфекта, сопровождающими аорист [Гаманович 1991: 202-204]. О прочной связи имперфективных форм с аористными, о роли имперфекта в реализации смыслового и стилистического потенциала аориста мы говорили ранее. Для иллюстрации основного значения имперфекта – действия, длящегося в прошлом, – приведем пример из текста Пролога:

«Царєви же Лвоу овѣщавшоуся дань даяти имъ ти же стражи хотяху поставити оу града. Обаче христїанъ ради молитвы всѣ трѹжахуся» («Память <...> Божїа человеколюбіа егда възврати съ трѹдомъ везбожныя агаряни при Авѣ цари»).

Имперфект встречается в Прологе как в текстах повествовательного характера, так и в текстах-поучениях, назиданиях. Разумеется, в повествовании имперфект встречается чаще, чем в поучении, и семантика имперфективных форм богаче в повествовательных фрагментах. Функционируя в повествовании вместе с аористом, имперфект обозначает чаще всего *фоновое, сопутствующее действие*, подчеркивая при этом высокую аористную динамику. Подобное значение форм имперфекта фиксируется и в древнерусской деловой письменности XVI века [Никифоров 1952: 144-149]. В паре с аористом имперфект может обозначать *длительное действие*, результат которого обозначен аористом, или *длительно развивающееся состояние*, разрешение которого также обозначается аористом. Имперфект может играть и *роль художественно-композиционного средства*, когда аористно-имперфективная цепочка делит текст на две противополо-

ложных друг другу линии повествования. Наконец, имперфект *участвует в создании художественного образа*, имплицитно характеризуя персонажа как пассивного и нерешительного в сравнении с горячим и жестоким, действия которого обозначены аористными формами. Примеры реализации названных смысловых и стилистических функций приводились в данной статье.

В поучении имперфект встречается чрезвычайно редко и используется или *для введения цитаты*, или собственно *в цитате*, и здесь его функционирование мало отличается от аористного. Более того, имперфективная форма, вводящая цитату, может быть легко заменена формой аориста, что в целом не повлияет на смысл текста (хотя, безусловно, аорист придаёт тексту несколько более динамичный характер): **глаголаше** – **глагола**, **рече** и т.д.

Необходимо также отметить ещё некоторые смысловые оттенки имперфективных форм.

Чередование групп имперфективных и аористных форм позволяет *варьировать темп повествования*, постепенно «замедляя» или «ускоряя» имплицитно выраженную динамику рассказа. Так, в «**Слове о святемъ Аполнарѣи**» использованы 6 имперфективных форм и более 40 аористных, что говорит о высоком темпе повествования. Однако скорость развития событий, описанных в этом тексте, не одинакова – она увеличивается в ходе повествования. Связано это с тем, что все 6 случаев употребления имперфекта сосредоточены в начале текста, а далее функционирует только аорист. Имперфект используется в завязке сюжета, далее действие постепенно ускоряется, и, наконец, рассказ становится динамичным, событийным благодаря насыщенности аористными формами.

В Прологе часты случаи, когда формы имперфекта реализуют семантику *обычного*, постоянно происходившего в прошлом *действия*: «<...> **в тѣмницахъ сущихъ тамо егда тревоваше мыяшесея**» – в этом контексте из «**Сказанія Григорія Двоисловца о просфирѣ иже за оусопшихъ душахъ сорокоустье слоужать**» формы имперфекта обозначают действие, происходившее часто, как что-то привычное, бытовое.

Обычное, ежедневное, ничем не примечательное действие обозначено формами имперфекта и в «**Слове Григорія Двоисловца о Карпѣ епископѣ**»: «**Моужъ велми божественъ житіемъ по вся дъни слоужаше Богу святою творя литургію и возношаше жрътвѣ**». Имперфективные формы здесь призваны подчеркнуть не столько длительность действия, сколько его *привычность*. Это уже не только *действие субъекта*, но и *его состояние, ставшее его характеристикой, отличительной чертой*. Семантика типичного состояния, привычного качества субъекта особенно актуализируется в контексте, где много форм аориста и очень скромно представлен имперфект. Например, в «**Страсти святаго мученика Кюръския**» – 18 аористных форм и лишь 1 имперфективная: «<...> **с лицемурствомъ христіанъ ся творяше...**». Указанное значение имперфекта отмечается как одно из основных и в древнерусских исторических повестях XVI века [Никифоров 1952: 144-155].

Вообще *актуализация системной семантики* аористных форм прямо пропорциональна, а *имперфективных форм* – *обратно пропорциональна их количеству в тексте*. Одна форма имперфекта на фоне многокомпонентного ряда форм аориста подчеркнет не длительность действия (состояния) и даже не его привычность, а, скорее, его *постоянство*, которое превращает действие (состояние) в неотъемлемое свойство субъекта.

Формы имперфекта, так же как и формы аориста, могут в контексте *взаимодействовать с причастиями*. Правда, палитра смысловых оттенков имперфекта в этих случаях значительно беднее, чем аориста.

Имперфективная форма и причастие прошедшего времени позволяют обозначить в тексте *последовательность действий* с очень короткими, почти мгновенными паузами между ними: «<...> и **томуу бывшоу повѣдаху несшен ю вонномъ**» – «когда это произошло, несшие стали рассказывать...». Первое действие обозначено в данном случае причастием прошедшего времени в составе оборота «дательный самостоятельный», второе – имперфектом в его основном значении. На месте причастия могла быть использована форма аориста, но она привнесла бы в текст оттенок быстроты протекания события. Наличие двух имперфектов растянуло бы действие. Пара причастие-имперфект позволяет подчеркнуть длительность второго действия и отсутствие паузы между первым и вторым («**Страсть святаго мученика Деомида**»).

Если при имперфективной форме (иногда в качестве однородного компонента) использовано причастие настоящего времени, то это дает возможность обозначить *одновременные длительные действия в прошлом* (причем главное из этих действий будет обозначено формой имперфекта):

– «<...> и **сега ради на позорищи прихожаху и яко събирающася люди оглашати Божими словесы и от идолослуженіа отступити веляху**» (приходили, собирались, велели – одновременные длительные действия, причем длительность действия «собирались» предполагается не семантикой причастной формы, а контекстной связью причастия с формами имперфекта) – «**Святых мученик Стратоника и Филика и Евтхія**»;

– «<...> и **с радостию муки воспримаше и трья...**» (муки принимал и терпел – данные два действия невозможно развести по времени, они одновременны, форму причастия без какой-либо потери для смысла можно заменить имперфектом, но наличие причастия корректирует значимостную иерархию обозначаемых действий и, возможно, поддерживает определенный ритм текста) – «**Страсть святаго Матфея ...**»;

– «<...> и **со двѣма оученикома заточенъ бысть в Лазунскою страну но и тамо Духом Божиимъ пиша и глаголаше...**» (одновременность действий «писал» и «говорил» в данном случае поддерживается всем контекстом, и второстепенность действия «писал» также: святому правую руку отсекали, но он продолжал, конечно с большим трудом, писать, а чтобы не снижать активности христианской проповеди, – больше говорил, нес людям истину о Христе в устной форме; использование двух имперфективных форм здесь сделало бы эти действия равноправными и

равнозначными, и это было бы неверно) – «**Положение мощи преподобного отца нашего Максима исповѣдника**».

Таким образом, формы *имперфекта* чаще функционируют в *повествовательных* фрагментах Пролога, хотя, безусловно, встречаются и в текстах-поучениях. Однако в последних имперфект не проявляет своей смысловой индивидуальности. Связано это с тем, что *формы имперфекта играют* в текстах исключительно *фоновую, вспомогательную роль, оттеняя семантику аориста*. Смысловый потенциал имперфективных форм в полной мере реализуется в контексте, содержащем формы аориста. В текстах же поучительных (назидательных) имперфект (так же, как и аорист) встречается изолированно, для обозначения единичного действия в прошлом или для введения цитаты. В таком случае имперфект легко может быть заменён аористом (и наоборот). Формы имперфекта обозначают *длительное, протяжённое или повторяющееся действие в прошлом*. В контексте Пролога в семантике имперфективных форм может актуализироваться периферия. Тогда имперфект обозначает либо *привычное, длившееся в прошлом состояние субъекта* (состояние, ставшее неотъемлемым качеством субъекта), либо *длительно развивавшееся состояние субъекта* (разрешение этого состояния обозначается формой аориста). Чередование форм аориста и имперфекта позволяет *варьировать темп повествования*, а также решать другие композиционные и художественные задачи: *дифференцировать линии повествования*, отражать некоторые, например *динамические, характеристики персонажа*. Так же, как и аорист, имперфект *может использоваться в паре с причастием*. В таком случае имперфективные формы могут обозначать как *последовательные*, так и *одновременные действия*, имевшие место в прошлом, в зависимости от морфологических признаков причастия. Что касается особенностей образования *форм имперфекта*, то здесь наблюдается *соответствие* церковнославянской и древнерусской книжной *норме* (включая случаи смыслового согласования предиката и субъекта). Архаичные нестяжённые формы чрезвычайно редки, но, возможно, сохранены в Прологе намеренно, с учётом их фоносемантики.

Проведённое исследование претеритальных форм, используемых в Прологе, свидетельствует о том, что претериты представляют собой подсистему не только в языке, но и в тексте, где функционируют слаженно, активно взаимодействуя как в аспекте семантики, так и в аспекте композиционного включения. В этой связи малейшее изменение того или иного параметра в одном из претеритов немедленно влечёт за собой перестройку всей подсистемы, за счёт чего в ней сохраняется функциональное и семантическое «равновесие», чем, в свою очередь, обеспечивается её целостность и устойчивость. Поэтому и изменения, связанные с вытеснением одних прошедших времён другими, необходимо рассматривать только как изменения *системные*, затрагивающие весь «организм», формируемый претеритами. Эволюция претеритальной подсистемы явно направлена в сторону формирования в языке, а значит и в национальном сознании, принципиально новой концепции – концепции *осевого времени*.

Чем объясняется *такое* приложение творческой энергии этноса? Христианство, пришедшее на Русь в византийской концептуальной и эстетической версии, определило *особенный вектор* дальнейшего развития русской ментальности, в том числе и в аспекте *переосмысления категории времени*. Постигание пространства новой религии привело в итоге к определённомu смещению традиционных акцентов: *от* воспринятого у Византии повествования о чуде Боговоплощения и Воскресения – *к предвкушению Встречи*. Третий Рим обращён в грядущее, открыт финалу человеческой истории, за которым – новое небо и новая земля. Для осмысления такой перспективы, для осознания реальности *инобытия* нужна и *иная темпоральность*, иное ощущение времени и себя в нём, *нужна глагольная система, также устремлённая в будущее*. В Прологе XVI века отражён один из этапов формирования этой новой системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубнов 1973 – Бубнов Н.Ю. Славяно-русские Прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1.
- Вздорнов Г.И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство. М., 1972.
- Востоков А.Х. Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих А.С.Норову // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1836, сентябрь, отд. 3.
- Гаманович 1991 – Гаманович А. Грамматика церковно-славянского языка. / Иеромонах Алипий (Гаманович). М., 1991.
- Давыдова 1990 – Давыдова С.А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990.
- Жуковская Л.П. О якобы датированных списках Стишного пролога XV в. (Троицкое собрание ГБЛ) // История русского языка: Памятники XI – XVIII вв. М., 1982.
- Жуковская 1983 – Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983.
- Кучкин В.А. Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661 – 1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975.
- Лебедева 1983 – Лебедева И.Н. К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 37. Л., 1983.
- Маслов 1963 – Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Никифоров 1952 – Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.

- Перетц 1915 – *Перетц В.Н.* К истории славяно-русского Пролога // Записки Неофилологического общества. Вып. 8. СПб., 1915.
- Фет 1979 – *Фет Е.А.* Прологи в собрании Пушкинского Дома // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979.
- Фет Е.А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980.
- Черных 1954 – *Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. / Изд-е второе. М., 1954.